

9 (e2)

K-56

ПОХОД В КАРПАТЫ

9/с2/27
R-5

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

То была пора, когда на знаменитой Курской дуге войска Красной Армии отбили бешеный натиск врага, а потом сами перешли в наступление. Нашему партизанскому соединению, действовавшему в глубоком тылу немцев, предстояло совершить рейд через 13 областей Украины — рейд на Карпаты. Надо было нанести врагу удар в больное место, взорвать нефтяные промыслы и разрушить важные коммуникации.

8011

192778

Кончился короткий отдых после рейда на правый берег Днепра, который мы совершили по заданию вождя и называли сталинским. 6400 километров прошли тогда наши бойцы в жестоких схватках на водных рубежах, у железнодорожных узлов, в Днепроовско-Припятьском междуречье.

Поход в Карпаты

Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР

196
02

Теперь предстоял ещё более трудный поход в далёкие от фронта местности, где враг чувствовал себя хозяином. Мы говорили бойцам суровую правду о том, какие опасности ждут впереди. Но партизанам ли пугаться?

...Покинут лесной лагерь. Рота за ротой выходит на дорогу.

Рейд начат. Днём стдыхаем в лесах и глухих сёлах, ночью стремительно проходим 30—50 км. Железный закон — все идут в строю. Нет ничего опаснее, чем расшатать строй! Мой подвижной штаб на тачанках ни на минуту не покидает рядов. Второе правило: через две минуты после появления врага на него должен обрушиться точный огонь, огонь на поражение. Миномёты на повозках установлены так, что их стволы смотрят во все стороны: круговая оборона на ходу. Враг, атакая, рассчитывает смять колонну прежде, чем она развернётся, а у нас всё готово, чтобы огнём в упор прижать нападающего к земле. Часть орудий, пока остальные выедут на позиции, может бить прямой наводкой с дороги.

И не раз обжигались немцы; только выскочат из лесной засады, а наши ручные пулемётчики, даже не устанавливая сошников, начинают косить вражеские цепи; миномётчики засыпают немцев минами. Мы приучаем людей не открывать огня ради «психического воздействия». Первые же залпы должны поразить врага: пусть сразу в его рядах упадут убитые и раненые, прольётся кровь; тогда мгновенно слетит с немцев спесь.

Дважды Герой Советского Союза
генерал-майор С. А. Ковпак

Готовые к любым неожиданностям, двигались мы, то неприметными тропами, то полевыми дорогами, то большаками. Иногда останавливались на днёвку в селениях, где доводилось бывать во время первого рейда.

Как просветлели лица бойцов, когда в одном из таких сёл молодёжь встретила нас партизанской песней; эту песню мы сами сочинили, она стала нашим маршем в дни первого рейда; оказывается девушки и парни запомнили её, сберегли!

В другой деревне мы застали чёрные пепелища вместо хат. Но из лесных землянок навстречу выбежало всё население, от мала до велика. Люди плакали, обнимали бойцов, своих давних знакомых, угощали чем могли. Немцы сожгли деревню за то, что она когда-то дала нам приют. А жителям жандармы объявили: все партизаны уничтожены— часть убита, часть поймана. Убедившись, что мы невредимы, люди поднимали головы, они видели в нас вестников будущей победы.

Как бы короток ни был привал в сёлах, десятки агитаторов расходились по хатам и до сигнала сбора в тесном кругу крестьян рассказывали о том, что делается на фронте, как живёт и борется наша Родина. Правда быстро побеждала ложь, распространявшуюся немцами. Наш комиссар генерал-майор Семён Руднев и секретарь партийной комиссии Яков Панин были первыми агитаторами. Их полевые сумки всегда были наполнены листовками, газетами и воззваниями, отпечатанными в походной типографии.

Вот когда мы особенно ясно увидели, какое мощное оружие газета с «Большой земли», листовка со сводкой Совинформбюро. Волю к борьбе, силу и мужество вливали они в сердца этих измученных фашистской неволей людей.

С удивлением рассматривали крестьяне наши артиллерийские батареи, миномёты, с уважением ощупывали автоматы пехотинцев, разглядывали радиоприёмники, любовались кавалеристами на добрых упитанных конях.

— Если всё это есть у партизан, — говорили они, — то как же вооружена Красная Армия?!

А мы, улыбаясь, вспоминали, как начинали воевать в своём Путивльском районе с одним переделанным учебным пулемётом.

Сейчас мы богаты: можем часть оружия отдавать новым отрядам, которые возникают всюду, где мы проходим. В тот день, когда мы покидаем село, десятки вооружённых смельчаков отправляются в леса и овраги, с ними остаётся кто-нибудь из ветеранов-партизан, чтобы передать наши традиции, кровью завоёванный опыт. И не раз, уже в другой области, нас догоняла весть, что такой отряд принял боевое крещение, перебил немецкий гарнизон, взорвал мост, разоружил полицию.

Больше всего поцелуев и дружеских объятий приходилось на долю разведчиков; они всё время двигались далеко впереди. Старики-колхозники сами вызывались проводить их глухими дорогами мимо немецких застав и гарнизонов. Поэтому до

вступления в западные области и удалось нам избежать столкновений с крупными силами врага.

Мой помощник по разведке, бывший кинооператор Петр Вершигора, всегда знал, что делается впереди и на флангах. Конные и пешие разведчики двигались и вдоль железных дорог; они сообщали, на каких перегонах усилилось движение воинских эшелонов.

Однажды, когда мы шли неподалёку от железной дороги, разведчики донесли, что один за другим прошли три товарных поезда. Нужно было спешить, но соблазн парализовать важный участок магистрали был очень велик. И следующему эшелону мы подготовили встречу. Едва паровоз вышел на переезд, где лесная дорога пересекала железнодорожное полотно, — грянули залпы орудий, раздались резкие хлопки бронебоек, глухой рокот пулемётов. В вагонах, изрешеченных осколками и пулями, стали отодвигаться двери. Но было поздно: поезд наехал на мины; на рельсах вздыбилась гора железного лома и разбитого дерева.

Долго мы слышали позади гулкие взрывы и видели вспышки огня: то валились под откос вагоны, набитые немцами.

Не знаю, кому гитлеровцы приписали это дело: наших следов им не удалось обнаружить. Всё же они нервничали, смутно ощущая, что мимо заградительных постов и гарнизонов движется на запад какая-то опасная сила. Иначе зачем стали бы над дорогами и лесами в местах, где давно не было

боевых действий, упорно кружиться немецкие воздушные разведчики?

Мы приблизились к границе «дистрикта Галиции», — так фашисты окрестили западные области Советской Украины, присоединив их к польскому генерал-губернаторству. Тут правили генерал-губернатор Вехтер и СС-полицейфюрер бригадный генерал Кацман.

Мы усилили разведку, выбрасывали вперёд несколько дозоров на разные расстояния. Отдыхали теперь только в лесах. Казалось, даже в воздухе чувствовалась близость сражений. В ротах проходили партийные и комсомольские собрания, бойцы и командиры тщательно готовились к предстоящим боям.

* * *

Власти «дистрикта» всполошились. Взрыв железнодорожного моста на дороге Проскуров—Тарнополь причинил много неприятностей генерал-губернатору Вехтеру: была выведена из строя важнейшая магистраль.

Немцам мерещились крупные парашютные десанты. Из Тарнополя и даже из Кракова они стягивали отборные полицейские полки. К берегам реки Случь, которая уже осталась за нашей спиной, по всем дорогам мчались машины с жандармами; орудия везли на прицепах.

В трёх километрах от города Скалат партизаны остановились на отдых. Тяжёлые многовёрстные переходы, непрерывное движение по ночам утомили людей. Но никто не жаловался. Вместе с

Комиссаром генералом Рудневым я обходил опушки леса, где расположился лагерь, проверял, глубоко ли открыты окопы, есть ли боеприпасы в ротах. Даже на недолгом привале мы всегда занимали круговую оборону; это стало у нас традицией.

И когда наблюдатели, которые окопались впереди, на высотках, сообщили, что из города, развернувшись в цепи, движутся немцы, это никого не смутило. Сотни глаз спокойно следили за приближением врага. Гитлеровцы шли нагло, во весь рост; они намеревались атаковать с фронта и с флангов. Не впервые было партизанам встречать «психические» атаки. Когда немцы приблизились настолько, что можно было разглядеть их лица, батальоны поднялись в контратаку: с лесных опушек хлынула на гитлеровцев партизанская лавина. С обнажёнными клинками выскочил из-за деревьев кавалерийский эскадрон. Не ожидавший такой встречи враг в панике повернул обратно к городу. Разгром был полным: жандармы бежали, оставив в Скалате большие склады оружия. В наши руки попали и те шестнадцать автомашин, на которых эсэсовцы прикатили в город.

Однако торжествовать было рано. Мы понимали, что начинается полоса больших боёв, наступает час испытаний.

Уже не так далеко до Карпат. Нужно прорваться к их подножию, пока враг не собрал больших сил и не преградил нам путь.

Мы стоим на Лысой горе, и жители города говорят:
— На Лысой горе советы!

В селе бойцы раздают обездоленным людям хлеб, отбитый у немцев. Один старый крестьянин со слезами на глазах сказал:

— Вот она, советская власть! Заступилась родная...

В партизанах, в их действиях народ узнавал свою родную советскую власть, и это укрепляло веру в её близкое возвращение.

Мы с генералом Рудневым, собирая командиров и комиссаров отрядов, говорили, что нынче промедление — смерти подобно. На всех возможных путях нашего движения, особенно на водных рубежах, немцы сосредоточивают большие силы, устанавливают артиллерию; против нас выделена особая эскадрилья бомбардировщиков и штурмовиков. Украинско-немецкие националисты — эти гитлеровские псы — готовятся ударить из-за угла. Мы, несомненно, прорвёмся через преграды, но следует бить уверенно, внезапно, молниеносно. С радостью я видел, что у моих помощников настроение бодрое.

Чем дальше мы продвигались на запад вдоль Днестра, тем шире распространялась паника среди оккупантов. Все южные районы Тарнопольской области гитлеровцы спешно эвакуировали. Ещё до нашего приближения они удрали из Залещиков, Бучача, Монастырищ, Галича. Но уже поставлена на ноги вся полиция и жандармерия. Из Львова летят грозные приказы командованию 13-го и 14-го эсэсовских полицейских полков: любой ценой

удержать переправы через Днестр. Было приказано тщательно охранять мосты.

Мы решили направить свой удар на мост через Днестр у села Сивки. Обрушиться всеми силами не имело смысла: нас сразу открыла бы вражеская авиация, и противник подбросил бы на машинах крупные подкрепления. Я возложил эту трудную задачу на кавалерийский эскадрон. Командир конников Ленкин с полуслова понял мой план: незаметно подкрасться, на галопе атаковать мост, зарубить охрану и расчистить путь стрелковым батальонам.

Лесными дорогами, невидимыми для воздушных разведчиков, пробирались взводы. А когда впереди блеснул речной плёс, Ленкин развернул лаву своих лихих бойцов. С криком «ура» понеслись они на ошеломлённую охрану. Перегибаясь на скаку, партизаны порубили немецких пулемётчиков; те не успели дать ни одной очереди. Сталкивая в воду сопротивляющихся, конники уже мчались через мост. Впереди, разя клинком гитлеровцев, скакал сам Ленкин.

Когда на мосту и на подступах к нему не осталось ни одного живого немца, Ленкин спешил своих людей и занял круговую оборону. Коноводы держали лошадей в укрытиях, чтобы не привлечь внимания вражеской авиации. А бойцов наших, занявших окопы, разве отличишь с самолёта от немецкой охраны?

О наших кавалеристах можно по праву сказать,

что они клинки без дела не вынимают, а без славы обратно не вкладывают.

Вскоре рядом со спешными конниками залегли бойцы головной походной заставы. К ночи всё соединение подошло к мосту, и с первыми лучами солнца мы все горячо поздравляли друг друга: Днестр позади!

Немцы были в бешенстве: они ждали нас на бродах, выставили там сильные заслоны, а мы прорвались через мост!

Враг стал готовиться к бою на реке Ломница, которую мы никак не могли обойти. Все мосты и переправы заняли полицейские батальоны. Немецкое командование подкрепило их танками и артиллерийскими батареями. Прибрежные сёла были подготовлены к упорной обороне. Немцы намеревались здесь раздавить нас.

Стоим лицом к лицу с врагом. Только река отделяет нас от немцев и густой лес скрывает от воздушных хищников. Ждать неразумно: надо захватить инициативу; действовать по-суворовски: удивил — значит, победил!

Для начала решили распылить внимание врага, заставить его поволноваться. Наши отряды вышли к берегу на фронте шириной в 25 км. Немцам было над чем призадуматься. Где будут партизаны искать брод? Не попытаются ли снова атаковать мост? Разведчики доносили, что фрицы заметно нервничают.

В проводниках — местных жителях — не было недостатка; они показали нам несколько бродов,

и мы с комиссаром выбрали три из них около одной деревни.

Атаку назначили на обычное партизанское время — на ночь. Собрав артиллерию и миномёты в кулак, я обрушил огонь на вражеский берег. Немцы тотчас же ответили, завязалась артиллерийская дуэль. Тем временем роты подошли к бродам и начали бесшумно переправляться. Сильное течение чувствовалось даже на этих сравнительно мелких местах; люди молча боролись с водой, помогали ослабевшим, упорно двигаясь к берегу.

Вступив на землю, батальоны беззвучно приводили себя в порядок и развёртывались для атаки. Когда был дан сигнал, партизанская пехота с двух сторон бросилась на позиции врага. Полтора часа длилась огневая и рукопашная схватка. Мы потеряли нескольких товарищей, но победили: немцы бежали, их батареи едва успели сняться, побросав снарядные ящики.

Вражеские батальоны, занимавшие другие сёла, не решались помочь атакованным: они ждали с минуты на минуту, что их самих атакуют партизаны. Между тем, наши батареи и обозы уже заканчивали переправу.

Шумит горная быстрая река, бурный поток валит с ног людей и коней, опрокидывает повозки. Все промокли, продрогли. Но партизаны смеются и шутят: опять немцы остались в дураках!

Путь к густым станиславским лесам открыт. Взрывая за собой мосты на железной дороге Ста-

нислав—Калуш и на шоссе, идущем вдоль неё, мы прорвались к «Чёрному Лесу», западнее Станислава.

Немецкие разведывательные самолёты — предвестники будущих схваток — кружатся над самой дорогой. Подрывники взрывали на одном из мостов немецкий эшелон, когда над вагонами появился воздушный разведчик. Сильным взрывом самолёт швырнуло в сторону; он бросился наутёк. Смейся входят бойцы в лес. Над нами пронзительно воют «Мессеры» с жёлтыми крестами на фюзеляжах, пикируют к самым деревьям, пытаются разглядеть, что делается в лесной чаще. А партизаны посмеиваются:

— Теперь ищи-свищи, господин «Мессершмитт!»

Короткие часы отдыха в «Чёрном Лесу». Закончилась война на степных просторах и водных рубежах. С чем придётся встретиться в горах, на крутых вершинах, на узких тропах? Ни у кого из нас нет такого опыта. Как втащим туда орудия? С чем встретимся на нефтяных промыслах? Ведь немцы понимают, что в Карпаты нас влечёт не любовь к горным пейзажам...

В ту ночь у редких костров, разведённых в ямах и тщательно замаскированных, все говорили о Карпатах. Вспоминали отцов, которые тут били немцев в прошлую войну, Брусиловское наступление в Галиции. Командиры, коммунисты и комсомольцы предупреждали бойцов: наступает решающий час, час проверки каждого из нас...

* *
*

И я и комиссар знали, что собирается гроза: со всех сторон спешили к горам полицейские части. Проморгав нас на реках, немцы на всякий случай укрепляли границу с Венгрией, чтобы захлестнуть партизанское соединение огромной петлей. Гитлеровское командование потребовало помощи от венгерского правительства, и последнее послушно выделило против нас целую дивизию. Где-то недалеко выгружались горно-стрелковые полки, снятые немцами из Норвегии для переброски на фронт; в пути они получили приказ двинуться в горы.

Были перехвачены документы о том, что всем этим дивизиям и полкам для быстроты манёвра выделено 500 грузовиков.

Непродуманные действия могли бы завести нас в смертельную западню.

И всё же ни у кого не появилось мысли, что можно хоть на время отступить перед опасностью. Пусть хоть сто тысяч чертей мобилизуют немцы, а мы найдем дорогу к нефтяным промыслам и оставим без горючего сотни фашистских танков и самолётов.

В ночь на 19 июля мы начали движение на юг, к вершинам Карпат. Немцы прозевали наше появление в этих местах. В деревне Рассульне нас подстерегал четвёртый эсэсовский полк, но по расчётам врага нам следовало добраться сюда лишь через несколько дней. Когда мы подошли к деревне, эсэсовцы безмятежно спали.

Разведчики сняли немецкую охрану без единого выстрела. Я приказал командиру роты Бакрадзе:

— Ворвётесь в деревню с запада. Придаю вам ещё две роты. Старайтесь произвести впечатление, что вас по крайней мере втрое больше. Гоните немцев на северо-восточную окраину; там встретит Матюшенко.

Командир батальона Матюшенко получил задание зайти во фланг и создать видимость полного окружения.

Разбуженные стрельбой, сонные и раздетые, выбегали эсэсовцы из домов. Бакрадзе гнал их на Матюшенко. К утру жалкие остатки полицейского полка бежали из Рассульне. Наши пушкари захватили на позициях батарею и выпустили весь боекомплект вдогонку за её улетевшей прислугой.

Шестьдесят горящих автомашин освещали боище. Пользуясь этим освещением, партизаны подбирали трофеи: пулемёты, радики, ящики патронов, миномёты, автоматы. На улицах и в огородах валялось 300 немецких трупов.

Через день открылись предгорья Карпат. Лесистые склоны, крутые дороги, леса, поднимающиеся к небу... Можно залюбоваться! Но насколько стало труднее: здесь мы теряли свое преимущество — свободу манёвра. Всё круче подъем. Лошади в мыле, бойцы и командиры тащат на себе орудия, несут разобранные станковые пулемёты. Где наши пятидесятивёрстные броски!

Двигаться приходится медленно. Но попрежнему чётко строй. Командиры и комиссары видят всех своих бойцов. Железная дисциплина не нарушается ни на миг.

Вокруг горные шумные ручьи. Но никто не выходит из строя, чтобы напиться.

Вот ведёт свою роту общий любимец, еще совсем юноша, Сережа Горланов. Командир шутит, вспоминает смешные эпизоды последних схваток, и бойцы забывают об усталости. Неутомимо шагают комсомольцы Высоцкий, Лазутка, Шатеев с тяжёлыми бронебойными ружьями на плечах.

Рассвет застал нас в походе. И едва просветлел изрезанный острыми зубцами горизонт, над дорогой прошёл вражеский корректировщик, а минут через сорок уже неслись с рёвом самолёты, пикируя и сбрасывая бомбы. Отряды оцетинились винтовками и пулемётами; сильный огонь заставил самолёты подняться выше, но в то утро мы всё-таки потеряли трёх боевых друзей. Под каменными глыбами похоронили товарищей по схваткам и походам, на могилах их поклялись мстить врагу.

И партизаны сдержали слово: в тот же день три воздушных пирата — разведчик, истребитель и лёгкий бомбардировщик — свалились на горные камни, сбитые метким огнем. Это был партизанский салют в память погибших.

* * *

На горизонте десятки нефтяных вышек. Дрогобычские промыслы!

Шесть суток в горах было светло, как днем. Все шесть суток пожар бушевал на нефтепромыслах в районе Биткув-Яблунов. Роты завязывали

схватки с немецкой охраной, а подрывники тем временем быстро делали свое дело.

Враг в ярости метался с места на место, но помешать не мог: мы напали одновременно на все участки. С благодарностью вспоминают партизаны неизвестных друзей, рабочих и инженеров-нефтяников. Неприметными горными тропами эти советские патриоты приводили нас к вышкам, указывали, где помещаются силовые установки. Один из таких наших помощников показал, где проходят трубы нефтепровода; 50 тысяч тонн нефти выпустили мы тогда. Рискуя жизнью, наши друзья скромно совершали свой подвиг и обычно исчезали, даже не назвав себя.

В походном дневнике секретаря партийной комиссии соединения товарища Панина сохранилось описание первой такой операции:

«В 16.00 часть второй роты и часть бойцов кавэскадрона и я с товарищем П. отправились на ликвидацию нефтяных вышек и нефтеперегонного завода. В пути наскочили на засаду, которая нас обстреляла, но не причинила никакого ущерба. Даём задание второй роте прочистить лес и вышки, где засел противник. Скоро весь нефтяной район уже занят. Лишь на вышках остались немцы и ведут оттуда обстрел. Решаем не медлить.

Вот раздался первый взрыв, огромное пламя охватило вышку. С рёвом взвился огненный столб, за ним второй, третий... Немцы усиливают обстрел, всюду слышен характерный звук разрывных пуль, но бойцы не прекращают работы. Раз-

даётся страшный шум и свист пара: взлетела на воздух паросиловая установка. До рассвета мы уничтожили 9 нефтяных вышек и несколько дизелей. Отсюда противник больше не сможет получать горючее. Жаль только погибших товарищей — бойца кавэскадрона, упавшего рядом со мной, и медсестру второй стрелковой роты — Марусю Евенко...»

Так же отважно, пренебрегая опасностью, действовали все наши люди. За 6 дней было взорвано 48 вышек, 13 хранилищ с нефтью, три нефтеперегонных и один озокеритный заводы.

Теперь гитлеровское командование точно знало наш адрес и было уверено, что мы попали в ловушку. Восемь немецких и венгерских дивизий заперли все выходы из гор. Подлые украинско-немецкие националисты, продавшие тело и душу фашистам, тоже приняли участие в карательной экспедиции. Крепко наломали потом партизаны бока их «дивизии», носившей название «Галычина».

В Надворной нас караулил 6-й эсэсовский полицейский полк, в Яремче — 26-й, в Печенегине — 347-й.

Началась борьба за высоту, за более выгодное положение в горах. С 25 июля завязались почти непрерывные изнурительные бои с врагом, который во много раз превосходил нас по численности. Всё выше и выше в горы поднимались партизаны. С обычных повозок перешли на двуколки; потом пришлось прибегнуть к вьюкам и грузить всё, что можно, на лошадей и на себя. От этого мы те-

рали в силе огня, но зато свободнее могли маневрировать.

Трудные наступили дни. Подчас даже раненых и ящики с патронами тащили на руках. Над удобными дорогами всё время гудели вражеские самолеты. Горцы указывали нам тропы, о которых никто, кроме местных жителей, не знал. Иногда двигались и без троп, через лесные завалы, крутые склоны и овраги, пробивались сквозь дремучие леса, прокладывали свои партизанские дороги.

Не раз приходилось потуже затягивать ремень: воды и соли в горах сколько угодно, но с продовольствием плохо. Селения здесь редки; нас выручали пастухи, пасшие скот на горных пастбищах.

Озлобленный враг предусмотрел и это: под угрозой смертной казни старостам было приказано согнать скот в долины.

Но сердца народа были с нами. То и дело мы ловили «заблудившихся» коров: их пригоняли в наше расположение пастухи. Эта забота неизвестных друзей доставляла нам большую радость.

Мы маневрировали в горах, прорывая то одно, то другое кольцо вражеского окружения. Таких колец было двадцать одно, и партизаны, не терявшие чувства юмора, называли их «очком».

Двое суток без перерыва длилось сражение в долине реки Польшня. Прикрывая друг друга, партизанские отряды дрались с венгерской дивизией, с полицейскими полками и частями пограничной охраны. И когда весь боекомплект снарядов был расстрелян, мы внезапным штыковым

Ударом вырвались из окружений и хлынули к горам Шевка и Сенека.

С одной стороны к этим горам двигались мы, с другой спешил вражеский горно-полицейский полк, свежий, хорошо вооружённый. У нас же и люди и кони нуждались хотя бы в коротком отдыхе: сказывались недоедание, бесконечные походы, бси. Однако мы противника опередили и решили во что бы то ни стало отстоять выгодный рубеж.

И утром 1 августа закипел бой на горе Шевка.

Стрелки, автоматчики, бронебойщики, пулемётчики стояли в поросших травой окопах, которые были отрыты ещё нашими отцами в первую мировую войну.

В полном молчании двигались немецкие цепи к вершине, упорно карабкались по камням, продирались сквозь кусты.

Первый батальон получил приказ открыть огонь, когда немцы уже подошли к его позициям. И сразу отхлынули фашисты, захлебнувшись в своей крови.

Снова и снова, то с запада, то с юга, то с северо-запада пытаются прорваться вражеские колонны к вершине. И каждый раз мы сбрасываем их к подножью.

В небе появилась вражеская авиация. Она висела над нами с рассвета и до темноты. Девять самолётов непрерывно сбрасывали бомбы на старые окопы: немцы пытались прижать нас к земле. И как только рассеивался дым, эсэсовцы поднимались и шли в атаку. Но изнурённые го-

лодом, измученные трудным походом партизаны встречали врага убийственно метким огнём.

После двух суток горячего боя чёрной ночью мы незаметно перебрались на соседнюю гору. Оттуда, весь день отдыхая и приводя себя в порядок, мы наблюдали, под носом врага, как его самолёты штурмовали пустую вершину, а потом, что-то перепутав, бомбили собственную, немецкую пехоту...

И всё же вокруг ещё оставалось крепко замкнутое кольцо. Где прорывать его? Где немцы не ждут удара? Мы приняли дерзкое решение. В ночь на 4 августа мы спустились в долину реки Прут, к городу Делятин. Этот город — ключ к верхнему течению Прута; здесь шесть крупных мостов, здесь сплетаются шоссе и железные дороги. Отсюда немцы посылали в горы свои главные силы. Меньше всего они могли ждать, что мы рискнём атаковать Делятин.

К тому времени фашистское командование уже сообщило по области, что мы уничтожены. Немецкие городские власти были совершенно уверены в этом; мы смогли подойти к Делятину почти вплотную, не разворачиваясь в боевые порядки. Как снег на голову, обрушились партизаны на гарнизон. Комиссар соединения генерал Руднев лично вёл авангард в атаку. Все шесть мостов взлетели на воздух. Паника охватила гарнизон. Поездные немецкие бригады, увидев бегущих к вокзалу партизан, оставили паровозы и вагоны,

охрана разбежалась. Более пятисот гитлеровцев окончили свою жизнь в тот день.

Яростно дрались партизаны. Они помнили, что народ следит за ними, что их борьба воодушевляет людей на земле, временно захваченной врагом.

Богатые трофеи взяли мы в Делятине, много важных военных объектов вывели из строя и еще один удар нанесли престижу врага.

Немало схваток было и после Делятина. Каждая из них являла новые образцы героизма, мужества, отваги. Навсегда сохранится память о бесстрашном комиссаре глуховского отряда Шульге: под ураганным огнем в сражении за Ослава Бяле он на протяжении нескольких километров теснил сильного врага и, тяжело раненый, умер на руках своих бойцов, когда они ворвались на окраину села.

Весёлый юноша Сергей Горланов отстаивал со своей ротой одну высоту: я требовал удержать ее любой ценой. Вражеский батальон окружил высоту; казалось, храбрецы будут раздавлены, но бойцы Горланова вместе с ротой Бакрадзе поднялись в контратаку и обратили противника в бегство.

Коммунист Тетерев с несколькими бойцами был отрезан от роты. Без карты, в безлюдной глухой местности, маневрируя среди вражеских постов и биваков, он вышел из окружения, не потеряв ни одного человека, ни одной винтовки.

В таких несгибаемых людях, в сплочённости, в готовности выручить друг друга, в высокой сознательности коммунистов и беспартийных была

наша сила. И когда пришлось продвигаться дальше отдельными отрядами, сбивать немцев со следа, распылать силы и внимание преследующих, я был уверен: никто не растеряется даже в самых трудных условиях.

Два месяца пробирались партизаны к сборному пункту, двигаясь отдельными отрядами с разных направлений, часто ничего не зная друг о друге. 700—800 километров прошёл каждый, то принимая бои, то уклоняясь от них. Петр Вершигора командовал одним из крупных отрядов; каким-то особым партизанским чутьём он угадывал, что не-далеке более слабые отряды ведут тяжёлые бои с врагом; и Вершигора отвлекал немцев на себя, помогал товарищам пробиться дальше.

Мы прошли в те дни Станиславскую и Тарнопольскую области, часть Львовской и Каменец-Подольской, изматывая гитлеровцев. Они метались на машинах из одной области в другую, часто наносили удары по пустому месту и никак не могли найти наши главные силы. Инициатива всё время была в руках партизан.

День, когда, наконец, все группы собрались вместе, был праздником. Ни за кого не пришлось краснеть. В самостоятельных походах окрепли отряды, более зрелыми стали командиры. Ещё больше партизаны полюбили Матюшенко, командира шалыгинцев, за выдержку, спокойствие, умелые действия в горах и при выходе на сборный пункт. С болью вспоминали его комиссара Федора Фесенко, погибшего смертью героя. Гордостью

партизанского объединения стали комсомольцы пулемётчики Гаркавенко, Давиденко, Байдалитов, Шаронин, Власов и Швайк; тысячи километров, нередко по двое суток не видя пищи, несли они своё грозное оружие и бились всегда до последнего патрона.

Люди выросли, закалились в карпатском походе. Сколько беззаветной храбрости, душевной красоты и благородства открылось во многих, раньше неприметных, наших товарищах.

Прошло полгода, и в предгорья Карпат вступили полки Красной Армии. На берегах Десны и Прута, над городами и селами, где ещё не так давно был глубокий тыл врага и мы вели там жестокие кровопролитные бои, веет победное красное знамя.

Настал праздник и на нашей улице. Великое счастье сознавать, что и мы, народные мстители, кое-что сделали, чтобы приблизить этот час, предсказанный нашим любимым вождём и другом, великим Сталиным.

Редактор *Е. Р. Рамя*
Технический редактор *Е. Н. Ермеева*
Корректор *Н. Н. Соколова*

Г532264. Подписано к печати 30.6.44 г. Объем $\frac{3}{4}$ п. л.
0,79 уч.-авт. л. В 1 п. л. 44 600 тип. вл. Заг. 469.

1-я типография Управления Военивдата НКО
имени О. К. Тимошенко